

18+

ПО
СЛЕДАМ
УШЕДШЕЙ
ЗАРИ

ВАЛЕРИЙ ВАЧЕГИН

Валерий Вачегин

По следам ушедшей зари

«Издательские решения»

Вачегин В. А.

По следам ушедшей зари / В. А. Вачегин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-672341-2

Антиутопия о двух друзьях, Рене и Банти, оказавшихся в мрачном подземном мире, скрытом под призмой идеализированного государства Аркхавилль. Пытаясь выбраться на поверхность и понять, почему люди продолжают жить здесь, каждый встает перед тяжелым выбором, раскрывающим противоречия в них самих.

ISBN 978-5-00-672341-2

© Вачегин В. А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1	7
1	7
2	9
3	14
4	17
5	21
6	24
7	29
8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

По следам ушедшей зари

Валерий Александрович Вачегин

© Валерий Александрович Вачегин, 2026

ISBN 978-5-0067-2341-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Открыл глаза и все никак не мог понять, проснулся ли я, или так и не смог уснуть. Моргаю. Темно. Тишина. Слышен лишь где-то отдаленный гул ветра. Оборачиваюсь — темно. Смотрю вправо, влево, во все стороны — всюду непроглядная чернота. Холодно. Закрываю и вновь открываю глаза. Ничего не меняется. Тьма. Вытягиваю руку вперед. Чувствую ее, но не вижу. Пытаюсь нащупать что-то кончиками пальцев, ничего. Неосвязаемая пустота.

Где-то рядом нарастает тягостный гул. Звук постепенно становится все громче и громче. Не понимаю, где находится источник, также, как не понимаю, где нахожусь я. Все стало гроыхать со всех сторон, яростно отдаваясь в барабанных перепонках. Закрываю уши руками. Оглушительный студящий гогот. Сел на корточки, съежился как можно сильнее. Что-то изменилось. Опускаю руки — снова мертвая тишина. Что происходит? Пытаюсь вспомнить, как я попал сюда... Упорно не могу зацепиться за знакомые воспоминания. Все еще ничего не вижу и не нахожу ответов. Слышу новый звук. Еле слышимый, откуда-то сверху. Он идет волнами, вибрируя и отталкиваясь от стенок. Очень знакомое ощущение, будто слышал его когда-то...

Яркий, красный закат солнца, поглощающий все небо на горизонте. Желто-фиолетовые переливы света отражаются на облаках, углубляясь и растворяясь в темноте. Я стою на обрыве скалы, вглядываясь в огненное зарево. Что-то было пугающее, но одновременно завораживающее в этой борьбе дня и ночи, где свет уступал тьме. Внизу, волны ударяются о камни. Океан бурлит под ногами. Далекий прибой накатывается, игриво посвистывая. Насыщенный, мощный, грациозный звук — целый оркестр, исполняющий симфонию из самых разнообразных оттенков: голос ветра заглушается вздохами волн, отдаленный рокот постепенно сменяется раскатами грома. Все смешалось в едином потоке. Чувствую необузданную мощь, дикое эхо, мечущееся по бескрайним просторам. Как будто унесло в далекие края, где никто никогда не был. Закрываю глаза. Океан... Сколько он впитал в себя за все свое существование? Каким он был тысячелетия назад? Сколько тайн он в себе хранит?

Слышу крик. Тело набирает скорость, тьма приближается. Это было лишь мгновение, но время замедлилось. Кто-то кричал. Прозвучал гром. Удар! Затягивает вниз. Смутно, размыто, через полужакрытые глаза, вижу, как свет меркнет и меня тянет на дно. Всеми силами гребу наверх, но не могу. Все становится мутным, кажется, теряю сознание. Начинает крутить и засасывать в воронку. Все завертелось. Стало очень темно.

Часть 1

1

Не знаю, сколько прошло времени с момента, как я очнулся. Чувствую, как каждая частичка тела дрожит. Спина упирается в острую, жесткую поверхность. Мокрая ткань прилипла к коже. Моргаю. Ничего. Моргаю еще раз. Полная тьма. Пытаюсь увидеть хоть что-то, но вокруг лишь невидимое и неосязаемое. Полная пустота.

Кончиками пальцев чувствую твердое. Это похоже на холодный камень. Большой камень. Я лежу на нем. Прислоняю левое ухо. Ничего не слышно. Поворачиваю голову влево, вправо. Все также ничего. Перед глазами стоит бесконечная мгла. Что это за место? Острые выступы впиваются в кожу. Пытаюсь приподняться. Руки и ноги будто отняли, они онемели. Видимо я лежу здесь уже очень долго. Нащупав кончик скалы, приподнимаюсь в полуприсяди. Снова оглядываюсь. Ничего. И сверху ничего, и справа, и слева... Нигде ничего нет! Как же так. Почему я ничего не вижу?

«АААААааа!»

Горло осипло. Надорваны связки, словно порванные струны. Звук отражается о невидимые стены, уносясь в пустоту. Снова стало тихо.

«Я умер» — проносится в голове. Я упал со скалы в обрыв, и это был не сон.

Не хочу верить в это. Подступают слезы. Внутри все съежилось, знобит. Страх просачивается чрез тьму. Очень страшно. Это место похоже на темную пещеру. Темный, запутанный лабиринт, не имеющий начала и конца, в котором я совсем один. Слезы стекают по щекам: такие же холодные, как и это страшное место. Плач эхом растворяется в темноте. Всплывает образ мамы. Все бы отдал, чтобы хоть на минуту увидеть ее, обнять, попросить прощения. Сказать, как же сильно я ее люблю.

«Увижу ли я ее еще когда-нибудь?»

Мама иногда напевала песенку про кузнечика, которого съела лягушка. Ужасаюсь той мысли, что он сидит где-то внутри живота, совершенно один и угасает. Такая же участь настигла и меня. Лицо матери отдаляется, оставляя после себя лишь тьму.

Кажется, прошла целая вечность. Мысли отчаянно бегают во все стороны, путаясь и превращаясь в сплошной черный туман. Эта чернота — самая темная бездна, что я когда-либо видел или ощущал. Ее огромный пласт сдавливает тело и выдавливает из него остатки жизни. Скоро, наверное, от меня совсем ничего не останется. Может оно и к лучшему. Ладони теряют дар осязания, кожа уже не чувствует острых камней. Глаза становятся частью тьмы. В ушах нарастает звон. Прислушиваюсь. Действительно, из глубины послышалось легкое гудение. Смотрю в разные стороны и все также ничего не разглядеть. Звук еще слышится. Впервые за долгое время ощущаю стук сердца.

«Звук реален или это мое воображение?»

Пытаюсь привстать. Ноги совсем не слушаются, пальцы огрубели. Я как будто сам врос в эти камни, став частью этой пещеры. Хватаю ладонью выступ. Медленно, вслепую, на ощупь, ползу вперед. Под животом все так же холодно и жестко. Не чувствую ничего, кроме тверди безжизненной скалы.

«Теряешь течение времени. Будто его вовсе не существует. Не понимаю сколько уже ползу. То ли минуту, а то ли целый день. Может ползу по кругу, никак не могу это определить. Страх перестал быть чем-то явным, но он все еще дышит в спину. Звон постепенно угасает и снова нарастает. Может это голос тишины?»

Что-то изменилось. Пальцы руки касаются жидкости. Опускаю руку глубже. Действительно, ледяная вода, могу определить это только на ощупь. Я все-таки куда-то приполз. Гудение усиливается, доносится снизу, исходит из бездонной глубины. Стылая жидкость обволакивает веки. Что-то виднеется в бездне мрака.

«Это сияние! Я не ослеп, я могу видеть!»

С макушки струйками стекает вода, падая в темное озеро. Звуки капель тихо щебечут, превращаясь в нарастающее биение. Очень холодно, но похоже, что там на дне что-то есть. Если я действительно умер, то может и не утону. А если нет...

Колкое, вонзающееся ледяное течение уносит вниз. Еле заметное свечение мерцает под толщиной воды. С каждой секундой пальцы все больше леденеют, тело сводит от холода. Долго здесь не протяну. Вокруг витают палки и сгустки темной вязкой земли, облепляя со всех сторон, словно медузы. Нет, не получится, слишком далеко. Гребу вверх. Холодная вода тянет обратно. Всплеск.

«Кха, кха, кха, кха...»

Захлебываясь, пытаюсь зацепиться за что-нибудь. Пальцы превратились в безжизненную плоть. Нога обо что-то бьется. Это выступ. Хватаюсь рукой за часть скалы. Тело уже совсем не слушается, не получается вылезти из воды. Прислоняю ладонь ко рту, пытаюсь обогреть руку остатками тепла дыхания.

«Нужно попробовать еще раз, иначе я утону и останусь здесь навсегда.»

Руки трясутся. Дышу как можно глубже, опускаюсь в ледяную воду. Свечение исходит откуда-то из пещеры. Обратного пути нет, нужно до туда доплыть. Гудение нарастает, уши перестали что-либо чувствовать. Воздух в легких кончается, сдавливается. Впереди невидимая стена, не дающая прохода, отталкивает, не позволяя проникнуть внутрь. Из последних сил гребу ниже. Биение сердца яростно стреляет, разгоняя остатки кислорода в крови. Вода сдавливает со всех сторон, стискивая, превращая в камень, падающий на дно. Очертания блекнут, становятся размытыми. Чувствую, как во рту, носу, гортани набирается вода...

Стало так легко. Руки плавно поднимаются и опускаются в невесомости призрачной вуали. Сияние приближается. Вот оно уже, совсем рядом. Заплываю внутрь. Белая аура плавно обвивается туманом. Вижу свои руки. Они тоже стали белыми. Пальцы похожи на тонкие аккуратные палочки, торчащие из скованных ледяных ладоней. Летают искры, кружатся в танце, и я вместе с ними. Не чувствую тела, оно растворяется. Я сам становлюсь частицей этого света...

Запястье сильно сжалось. Что-то схватило за руку и тащит вверх.

выступам. Пламя факела освещает силуэт, жутко корчившейся в разные стороны. Замираю, исступленно вглядываясь в искореженное существо, кричащее от боли. Никогда раньше не бил человека. Не успев подумать, рука сама ударила его по голове. Это произошло настолько быстро, что все мысли резко исчезли. Дрожащими руками пытаюсь развязать узлы на лодыжках. Дыхание прерывается молотящим стуком сердца, заглушающим вопли. Ногтями вцепившись в старую бечевку, замечаю, как изодраны руки. Черные, грязные, все в синяках и царапинах... Веревка поддается, разрываясь на щиколотках. Последнее что успеваю схватить — факел.

Крик звенит в ушах, сменяясь нарастающим эхо, разрастающимся и умножающимся о стены катакомб. Туннель ведет куда-то все глубже вниз. Ноющие, стертые до крови ступни обжигаются об острые выступы. Каменные борозды остаются позади, сменяясь другими, такими же черными и холодными. Мимо проносятся перламутровые извилистые впадины, запутанными ветками разрастаясь по кремнистым аркам. Ноги уносят меня все дальше в неведомые шахты, спасая от человекоподобного чудища. Махаю головой во все стороны. Поворот вправо, теперь влево, снова вправо.

«уууууыыыыыыааААА» — эхом доносится со спины безумный жалкий вопль.

Завернув за угол, пригнув голову, протискиваюсь сквозь узкий проход, ведущий к перекрестку из ветвлений. Здесь три коридора, мрачно устремляющиеся в темноту.

«Влево, прямо, вправо, влево, прямо, вправо, влево, прямо, вправо. Куда бежать?!»

Острое оцепенение будто связывает ступни. Стук сердца учащается. Дыхание замерло. Усилиям воли пытаюсь разорвать невидимый узел, сковывающий лодыжки.

«Влево, прямо, вправо, влево, прямо, вправо...»

Влево!

Снова набираю скорость. Не знаю почему побежал сюда. Какая-то неведомая сила заставила повернуть в эту сторону. Пламя факела рассеивает тьму. Падающие тени нахмурено следят. С потолка струится темная жидкость, превращаясь в черную запутанную паутину, устремляющуюся по сводам. Громко слышу свое дыхание. Путь идет все глубже. Долго ли я бегу, не знаю. Все вокруг смешалось, стало одной сплошной скальной пеленой. Невозможно определить ни время, ни день ли сейчас или глубокая ночь. Черные камни переливаются огненным заревом, отражаясь от факела в руке. Кажется, удалось оторваться от того страшного незнакомца. Воплей больше не слышно.

...

Продолжая идти в неизвестность, то спускаясь вниз, то поднимаясь вверх, я думал про этого неизвестного человека. Белые пальцы, длинные, с поломанными ногтями, похожие на кости. Длинные серые волосы, грязные и скомканные. Высушенное, узкое, призрачное лицо. Какие-то символы на его запястье. Круг с черточками еле виднелся на белой, иссушенной коже, прикрытой черной тканью.

«Как он превратился в такое существо и зачем он меня куда-то тащил? Откуда он здесь взялся. Что он хотел со мной сделать. Съесть?».

Я не мог найти ответов.

«Мои родители. Ищут ли они меня? Или они подумали, что я пропал навсегда, исчез, умер. Нет, они должны меня искать... Но что, если нет? Что если они свыклись с тем, что я никогда больше не вернусь, оставив надежды на то, что я жив? И как я мог здесь оказаться, если я упал в воду, а очнулся в какой-то пещере?»

Под ногами песок. Нужно дать себе передохнуть. Пытаюсь отдышаться. Вдох, выдох. Вдох, выдох. Вдох... Выдох... Вдох... Выдох... Вдох... Выдох...

Глубокий вдох... Выдох...

Тишина. Точнее сказать, абсолютная тишина. Как-будто заложило уши. Нет, здесь еще звук. Это звук огня. Волны пламени задают свою гармонию, смешиваясь с глухотой многовековых стен.

«Огонь. Как же хорошо, что ты есть. Ты единственный, кто освещает мне путь в этом мраке.»

Нельзя расслаживаться. Факел в какой-то момент может потухнуть, и я вновь останусь наедине с неиссякающим мраком.

«Насколько глубока эта безмолвная, безжизненная извилистая нора, усыпанная тысячами камней... Я буду идти столько, сколько смогу, чтобы выбраться отсюда, найти выход. Ведь так не бывает... Не бывает такого... Я же ничего плохого не сделал. Я люблю своих родных. Люблю маму... Люблю папу. И брата непоседливого я тоже люблю... Несмотря на то, что мы постоянно ссоримся и деремся. Это же так, по-доброму. Я никогда не держал ни на кого зла... Я всего лишь маленький испуганный мальчик, заблудившийся и одинокий.»

Путь назад отрезан. Даже если осветить светом факела угольно-черные лабиринты, все равно не смогу определить, откуда я пришел. Со скалистых висящих сосуллек стекает вода, падая на ладони одинокими капельками.

«До чего непредсказуема наша земля, создавшая эту потаенную дорогу. Был ли здесь когда-либо кто-то еще... Кто-то такой же как я, случайно заплутавший путник? Знает ли мой преследователь выход отсюда? Или он так же, будучи маленьким, потерялся, пропал, не смог выбраться на поверхность и превратился в жуткое существо, забывшее то, кем он был, кто его родные... Забыл свое имя...»

Пламя слегка двинулось, тихо шепча.

«Но у него был факел... Он же из чего-то его смастерил... Значит...»

Воздух становится свежее, чувствую его своим лицом. Пламя факела шелохнулось, изменило направление. Вглядываюсь во тьму. Где-то совсем далеко, дальше, чем что-либо, пробивается новый звук... Похожий на пение... Свист ветра эхом отталкивается о погребенные спящие камни.

«Кажется... Там, в конце туннеля, выход!»

По щекам покатались радостные теплые слезы. Ноги бегут вперед меня, что есть сил. Чувствую, как на пятках лопаются мозоли, но мне уже все равно. Пламя играючи догоняет, раздвигая темный накрытый занавес мрака. Бешенный вихрь света и тени разгорается все громче, открывая свои закрытые двери. Все вокруг очень быстро изменяется. Снова появляются иероглифы. Они на стенах, потолке, на полу, будто в бешеном круговороте проносятся мимо. Красные, серые, черные, коричневые, желтые, белые — все это какие-то черточки, древние письмена, изображения, оставленные неизвестными. Своды пещеры, стены становятся шире, туннель разрастается. Появляются новые проходы, шахты, разветвления. Ноги заплетаются, но я продолжаю нестись как уносящийся в просторы ветер. Слева и справа маленькие узкие проходы. Пещера становится настолько огромной, что с трудом видно ее края. Впереди что-то горит. Я бегу уже по какой-то дороге среди каменных лачуг, выдолбленных внутри скал. Под ногами то и дело попадаются какие-то тряпки, бечевки, осколки глиняной утвари. Пахнет кислой сыростью. Огни сверкают по бокам, в окнах, на крышах этих странных жилищ. Черные, будто закоптившееся отверстия от окон, устало смотрят друг на друга. Стены, сделанные из сгустков глины вперемешку с мусором, словно наросты, вгрызаются в каменную твердь. Мрачные закоулки ведут все глубже в свой подземный лабиринт. Улицы виляют во все стороны, извиваясь словно змеи.

Над головой тьма... Она уходит, исчезает, как будто в бесконечности...

«Где же солнце? Где голубое небо? Ну хоть один лучик, облачко, хоть что-нибудь... Может сейчас ночь? Но не видно ни звезд, ни света луны... Здесь ничего нет, будто небо исчезло!»

Старик слева тихо кряхнул, поддергивая свою седую бородку. Худая, иссохшая старушка позади него, ехидно улыбается, сверкая своим одиноким зубом. Они не похожи на тех, кого привык обычно видеть. Их внешний вид и одежда, напоминают туземцев из дикого племени: у всех узкие лица, крупные, загнутые носы, маленькие рты, но большие, практические белые, с широкими черными точками, зрачки. Все они, будто из другого мира, где я по странному стечению обстоятельств оказался.

В толпе движение. Несколько мужчин повернули свои разукрашенные головы в сторону источника звука, остальные продолжают глядеть в мою сторону. Кто-то пробирается, протискиваясь и расталкивая столпившихся вокруг людей. Существо громко сопит и фыркает, приближаясь откуда-то со стороны. Факел, лежащий рядом, окончательно потух, оставляя после себя длинную струйку дыма, уносящуюся вверх в бескрайнюю черноту. Длинные белые кости пальцев раздвигают собравшихся.

Из-за спин людей, проступает силуэт.

«Это... Это — он!»

Станный и страшный тип, с красным окровавленным пятном на голове, связавший и тащивший меня куда-то в глубины пещер... Смотрит, злобно сверкая своими черными глазами, переводя тяжелое дыхание. Тело сжимается. Внутри все заледенело. Люди недоуменно смотрят то на меня, то на высушенного в черном одеянии, почти скелета, человека. Поднимает руку, тыкая в мою сторону своим истощенным серым пальцем. Лицо застыло в злобной, угрожающей гримасе. Искривленный морщинами рот злорадно улыбается, демонстрируя волчий оскал.

«АаакккхрААААИИИИ!» — кричит безумец.

Все уставились на него. Кто-то нахмурил брови, шмыгнул носом. Пара крупных, с вытянутыми лбами, мужиков недоверчиво переглянулись между собой. Люди перешептываются. Слышатся похожие на хрипы, смешки. Круг зашевелился, толпа оживилась. Не знаю, чему они удивились больше, мне, или этому пещерному безумцу. Несколько людей, иронично, поглядывают на него. Белые расписные лица, кривляясь, обмениваются между собой странными звуками, махая руками и ногами, изображая то ли танец, то ли какой-то неизвестный мне язык. Глаза безумца быстро бегают в разные стороны, оглядывая толпу. Уголки морщинистого рта опустились, превращая свирепый оскал в недоумение и растерянность.

«Не знаю, остался ли я жив, упав со скалы в бушующий океан, или утонул. Оказавшись в неизвестном и запутанном мире, я, как дикое животное, заблудшее и потерявшееся, метаясь из стороны в сторону, не находя ответов. Смотрю на свои ладони. Это мои пальцы, мои линии, пересекающиеся на коже, мои родинки. Мои запястья, мои руки... Это мое тело. Я его чувствую. Если я его чувствую, есть ли я?»

Гогот толпы резко прерывает протяжный, жуткий вой. Оглядываюсь. Все резко замерли. Белые лица застыли в своих причудливых гримасах, широко раскрыв глаза. Что-то неоднозначное мелькает во взгляде человека, стоящего надо мной. Пальцы рук дергаются, словно его пробивает мандраж. Сверху показалось свечение. На стенах домов, под самой крышей, виднеется красный отсвет, похожий на отражение закатного зарева.

Вой звучит еще раз, постепенно нагоняя и умножая эхо предыдущего, словно сигнал, сирена, доносившаяся издалека. Что-то воинственное слышится в ней, злобное. Поворачиваю голову. Среди десятков лиц людей, застывших как скульптуры, лишь один взгляд смотрит на меня — взгляд безумца. Его лицо стало совсем непохожим на того, кто только что кричал, указывая на меня. Глаза застыли от ужаса.

3

Алая звезда сверкнула среди массивных и мощных каменных столбов, свисающих сверху из невидимых глубин. Они озарялись переливающимся красным инеем, хмуро смотря на город, раскинувшийся под ними. Казалось, что в них кроется многовековая тайна, хранящаяся среди пластов горных пород. Глас воем доносился из недр туннелей и большой волной ударялся об стены подземного лабиринта. Огненное пламя показалось на горизонте, зловеще сверкая подобно раскрытой пасти дракона.

Все вокруг быстро закопошились. Человек, стоящий надо мной, что-то громко кричит мужчинам, нервно размахивая своими руками. Проносится смуглая старушка, таща за собой растерянную девочку с разукрашенным черными кругами лицом. Низкорослый, с длинным лбом, мужичок, схватив охапку каких-то цветных тряпок, пытается протолкнуться сквозь плотно стоящих в кругу людей. Женщины испуганно, сурово прикрикивая, берут под руки своих детей, уводя их отсюда. Суматоха охватила всех собравшихся здесь. Люди начали проталкиваться через друг друга, запинаясь, роняя свои пожитки, быстро двигаясь в хаотичных направлениях.

Кричащие голоса смешались воедино в поток неразборчивого шума, паники, охватившего толпу. Сжался всем телом закрыв голову руками, боясь, что меня попросту задавят. Перемешавшиеся мутные образы метались вокруг, громяхая и взрываясь, словно грозовая туча. Среди всей этой вереницы двигающихся рук и ног, перед лицом раскрылась маленькая беленькая аккуратненькая ладошка. Поднимаю глаза. Это мальчик, чуть младше меня, тот, который разглядывал мои волосы. Его милые добрые глаза излучали любопытство и искренность. Что-то теплое отозвалось внутри. Он хочет помочь.

Осторожно, пугливо и стесняясь, протягиваю ладонь. Смущенно улыбаясь своим маленьким ртом, он медленно дотрагивается до моих пальцев. Над нашими головами громко перекрикиваются между собой несколько взрослых мужчин, в набедренных повязках, держа в руках какие-то палки с каменными наконечниками. Обмениваясь воинственными кличами, протискиваясь сквозь стариков, женщин и детей, они собираются в кучу, взывая друг к другу. Мальчик хватает меня за руку и тянет в сторону.

Десятки, сотни людей, нервно дергаясь, протискиваются в узкие переулки, скрываясь в темных проходах. Все чего-то очень сильно испугались. Что-то страшное надвигается... Что-то вот-вот должно произойти. Очень быстро проносятся лица: молодые и старые, худые и узкие, с впадинами вокруг глаз, раскрашенные, белые, полосатые, морщинистые, гладкие, смуглые, чумазые. Но все окрашены лишь одной общей краской — они растеряны, в смятении. Рука мальчика продолжает тянуть меня, ловко ведя сквозь бушующий людской поток. Вертя головой, замечаю все больше скрытых и потаенных ответвлений. По левую сторону только что сквозь толпу пробирался человек, с широким приплюснутым носом. И вот его уже нет. Только край его налобной повязки успел увидеть, как она нырнула в какую-то яму. Песчано-известковые стены постепенно сужаются, скрывая бегущих под накидкой тьмы. Ряды редуют, шум топающих ног постепенно сходит на нет, перемешиваясь со вздохами и выдохами нас двоих. Мальчик продолжает вести все дальше, углубляясь в тесные, узкие коридоры катакомб города.

Факелов практически не осталось. Лишь отдаленно в конце туннелей слабо светят остатки горящих фитилей. Холодная, коричнево-черная глина вязко стягивает ступни, когда в очередной раз проваливаясь, пытаюсь успеть за моим юным проводником. Юрко и бойко, быстро перепрыгивая через валуны, лежащие среди запутанных закоулков, он будто «пролетает» сквозь все преграды, где я же постоянно запинаясь и останавливаюсь. По бокам вижу, как тени носятся во все стороны, следя за нами.

стену. Банти следует моему примеру и тоже гнездится рядышком, усаживаясь на пустой, но почему-то уютный, пол. Огонь играет с тенями фигурок, разложенными на выемке, перебрасывая их по фактуре каменных стен.

Оглядываю комнату еще раз. Она чем-то похожа на мою. Не стенами, не вещами, лежащими здесь, а своей аккуратностью. Здесь как будто все лежит на своих местах. Каждая деталька, каждый предмет. Тонкие палочки торчат из стены у ниши, похожие на иголки дикобраза. Рядом стоят глиняные емкости, молча разместившись на полу. В уголке, из-под тряпицы, выглядывает еще парочку «ядло» (если правильно понял, так они называются). За прошедшие несколько часов, чувствую себя наконец-то чуточку спокойнее, несмотря на обилие вопросов, возникающих в моей голове.

«Кто этот Банти? Почему он мне помогает? Он теперь мой друг?»

По потолку прыгают огненные зайчики, отражающиеся лучами от завораживающего пламени свечи. Банти продолжал сидеть рядом, молча смотря куда-то сквозь стену. На его лице появилась усталость, чувствуемая ранее, но спрятанная за широкими уголками улыбающегося рта. Сквозь полузакрывающиеся веки черты его лица напоминают потерянного ангела, заблудшего в окаянных лабиринтах пещер. Что на уме у этого милого мальчика? Какой рой мыслей вертится в его маленькой голове...

4

Сумерки. Пустая поляна, лишь отдаленно напоминающая живой и яркий зеленый луг, покрыта серой травой. Множество холмов, простирающиеся до горизонта, одиноко стоят, словно забытые, навсегда оставшиеся и затерявшиеся. Надвигается сильный ветер, небо чернеет на горизонте. Вместо облаков стянута нависает белесый туман. Влажный воздух утренней росы холодом отдается мурашками, бегающими по коже, но какой сейчас час... Неизвестно.

В одной из ложбинок стоит серое удлиненное здание. Я не сразу заметил его присутствие. Дом кажется большим, но сложно сказать, сколько в нем этажей и обитаем ли он. Стены дома полностью серые, из бетона. Окна черные, пустые. Внизу, ближе к дальнему углу есть вход, такой же темный, как и десятки квадратных глаз, пусто смотрящих в даль. Это строение не вызывает симпатии, скорее грусть... Тягостное сострадание. Но что-то просится во мне подойти к нему, зайти внутрь. Полутьма сгущается, окутывая серое небо, в глубине которого проскальзывают розовые лучи, затянутые плотной матовой пеленой. Безликая серая высокая стена, приближаясь, глухо нависает, одинаково продолжается вдоль земли. Кроме меня и одинокого дома, никого нет. Не слышно щебечущих птиц, нет деревьев с кронами листочков, не ползут муравьи по травинкам. Полуоткрытая стальная дверь, настороженно скрипя, шатается на двух ржавых петлях. Облака почернели, полностью закрыли собою и без того редкие редящие лучи.

Это место кажется давно знакомым. Очертания воспоминаний туманно воют, пытаюсь собраться воедино, сочетаниями нитей и линий связываясь в клубок. Похоже, я здесь живу... С мамой и папой, где-то в этом доме, в одной из квартир этого серого невзрачного одинокого здания среди бескрайних холмов. Но не могу вспомнить, где они... На каком этаже живут мои родители, где находится та дверь, открыв которую, смогу найти их? Темнота изнутри вглядывается в меня, таинственно наблюдая за гостем. Серые тяжелые ступени введут наверх. С каждым шагом все ближе нагоняет тревога, спешно спускающаяся навстречу. Одиночеством пронизаны этажи, отдаляясь коридорами вглубь серых стен, где редкие накаленные лампочки издают беспокойное натянутое гудение. Одинаковые двери сотнями солдат стоят друг напротив друга, сурово охраняя то, что скрыто за их спинами. Нет цифр, нет даже малейших штришков, как-то обозначающих их различия. Все они как один, похожи, идентичны... Едины.

Стальная ручка мертво висит, холодно смотря на протянутую ладонь. Что скрывает за собой эта дверь? Вытянутая, серая, мутная, в ней не видно отражений, переливов, ничего... Пустая и безликая. Белый безжизненный свет слегка мигает, напряженно дергаясь под толстым стеклом плафона, отсвечивая от болезненно пепельной поверхности бетонной плиты. Здесь закрыто... Ручка не поддается движению. Не видно конца коридора... Но что-то... Что-то меняется... Появился какой-то шум, доносившийся то ли из-за спин запертых дверей, то ли из спутанного клубка в моей голове... Чьи-то голоса, разговаривающие непонятными скомканными словами, шипели острым шепотом...

...

Громкие злые возгласы раздаются откуда-то сверху. Открываю глаза. Догорающее пламя свечи отражается в двух больших зрачках Банти, с ужасом смотрящих на меня.

«АААркххааааи!» — вопит грубый мужской голос.

Оттуда же сверху послышалось еще чье-то шипение и кряхтение. Банти поднес ладонь к сжатым губам, зажав ею свой рот.

«АркххАиии!» — едино повторилось над нами множеством голосов.

Не произношу ни звука. Это кто-то очень плохой, раз Банти так испугался. Когда они успели прийти? Видимо я успел заснуть, раз не заметил их. Сверху сыпется песок, сопровождающийся перекатами грохота. Потолок и стены сотрясаются, колышется потухающее пламя

свечи. Банти в той же позе неподвижно сидит, подняв голову вверх, наблюдая за падающими крупными пылью. Топот устремился куда-то дальше вперед, оканчиваясь заскакивающей, будто хромающей, парой ног.

Прошло с минуту, молчу. У Банти все также поднята голова. Какие-то вопли и возгласы отдаленно продолжают возникают и растворяются в глубинах пещер. Стало тихо. Мальчик поворачивается ко мне. Искреннюю и милую улыбку сместило испуганное и оробевшее мальчишечье лицо.

«Кто это был?» — спрашиваю, зная, что он меня не поймет.

Банти вскакивает, оглядывая свою комнату. Судорожно бегают его белые глаза, что-то быстро раздумывая. Подбежав к нише, отодвигая глиняные сосуды, он достает из-под них небольшой коричневый холщовый мешок. Прерывисто дыша, закидывает в него все что попадает под руку. Вдалеке снова слышится глухой натянутый, словно хрипящий, звук горна.

«Ащи Ара Ара!» — подбегая, звонким детским голосом кричит Банти.

Его ладонь хватается мое плечо, пытаюсь приподнять.

«Ара Ара!» — испуганно и настойчиво смотря в глаза, повторяет он.

Встаю, отряхиваясь от пыли. Банти закидывает к себе на плечико набитый мешок и карабкается наверх. Его гладкие и маленькие ручонки пытаются приподнять деревянный люк, откуда сыпется песок. Он снова меня куда-то ведёт. Оборачиваюсь. В последний раз оглядываю маленькую уютную комнату. Свеча потухает. Черточки и рисунки на стенах поглощает наступающая тьма.

Чёрный дым стелется по земле, заглядывая в каждый уголок, в каждое отверстие. В отсветах огня, грозное облако вбирает в себя целые проходы, засасывая их. Вытащив голову из ямы, в нос и рот проник едкий, удушающий запах гари.

«Кха-кха» — громко кашляю, прикрывая рот запачканной от копоти и грязи ладонью.

Только сейчас здесь было спокойно и тихо, но вот стало совсем невозможно дышать. Банти снова хватается за руку и тащит вверх. Здесь множество свежих человеческих следов, будто пробежала целая армия. Отпечатки приплюснутых пальцев виднеются в мокрой грязи. Среди серого густого тумана сложно разглядеть лицо товарища, вижу только его неясные очертания. Мои ладони тоже мутные.

«Ара ара АРА!» — глухо и прерывисто кашляю, кричит Банти, уносясь в дымчатое облако.

Силуэт стал размытым, а потом и вовсе пропал, словно призрак. Клубы ядовитого тумана окутывают лицо, пытаюсь забраться в ноздри и рот. Гари становится больше. Где-то дальше в пещерах полыхает пожар. Смазанный, еле виднеющийся образ Банти то пропадает из виду, то снова появляется, спешно дожидаясь. Надеюсь, что он знает куда бежать, иначе мы здесь оба задохнемся. Туннель круто упирается в стену... А, нет, здесь ступени, их еле видно. Каменные, выдолбленные в скале, истоптанные. Сердце громко стучит, отдаваясь в груди. Едкая и удушающая копоть копошится в горле, становится совсем трудно дышать. Запинаясь, спутанно волоча ноги в черном давящем лабиринте, пробираюсь наверх. Черные от сажи пятки смутно дергаются впереди. Обернувшись, друг жестами зовет за собой.

Очертания стен становятся ярче, переливаясь оранжево-красным сиянием.

«Кха-кха-кха!» — Охрипши, пытаюсь откашляться.

Сквозь черный редкий дым проступают очертания колышущегося ярого света. Вдох. Дышать стало легче. Стены расступаются, превращаясь в вытянутый длинный скалистый мост, висящий над пропастью...

Красно-желтое зарево, покрытое серой густой пеленой, словно грозные облака, накрыло крыши домов. Черный дым, словно горящие трубы, клубами разносится выше вверх. Город горит, полыхает в страшном, неуправляемом пламени. Ступени подняли нас на возвышенность, откуда виднеется весь этот мерцающий и страшный пожар. Звуки горна, вперемешку

с криками и грохочущем гулом огня, басом отдаются, сотрясая скалистые породы опаленной пещеры. Среди скал бегут в рассыпную маленькие черные силуэты, спасаясь от надвигающегося огня и удушающего дыма. Над городом сверкнула красная искра, падающая сквозь занавес смога. Бабах! Где-то в глубине домов, загорелась еще одна крыша. Пламя разрастается, перекидывается на строения вокруг, словно скачущий пламенный скакун.

«АркххАиии! АркххАиии!» — снова слышится смесь грубых возгласов, напоминающий боевой клич.

Несколько десятков людей, одетые в черно-серые строгие робы, организованно идут, словно маршем, по пустынным горящим улицам скалистых домов, громко напевая свой воинственный зов. В руках у них палки, похожие на черные жезлы. Их головы покрыты масками, скрывающими лица. На плечах виднеется какой-то знак: красная линия, образующая неполный треугольник, на конце которой отмечена круглая точка.

Никогда такого не видел. Ужасающее зрелище, от которого невозможно оторваться. Стена огненного пламени возвышается над нами, яростно паля острыми языками смерти, становясь бескрайним багряным небом. Черные облака дыма устремляются ввысь, растворяясь в прожорливой тьме.

Банти всхлипнул. В его глазах появились слезы. Они тихо падают, ударяясь о закоптившееся песок под ногами. Положив ладонь к нему на плечо, он обнял меня.

«Бедный Банти... Это его дом. Какие-то злые люди пришли и сожгли тут все... Где его мама и папа? Они там внизу, или он здесь совсем один, как и я?»

Его ладошки сжались в кулаки. Он явно хотел спуститься туда вниз, чтобы хоть как-то помочь другим, но что-то его останавливало... Что-то его останавливало... Наверное это был я.

Гремит рокочущий треск. Подняв голову, Банти оттягивает меня ближе к скале, нависавшую над пропастью. Из пещеры, откуда пришли, яростно, обжигаясь, сверкает красное пламя. Обратной дороги нет. Черные зрачки мальчика быстро бегают, пытаясь что-то сообразить. Опаленные камни под босыми ногами источают жар. Упершись спинами в стену, Банти медленно пошел в сторону пропасти. Кажется, он хочет пройти по краешку скалы подальше от надвигающегося пламени. Пепельный дым падает вниз, рассеиваясь на ветру. Здесь высоко, даже очень. Всего лишь одно неловкое движение, и можно с легкостью упасть и разбиться.

Банти делает первый шаг, оборачиваясь, испуганно и решительно смотря на меня. Мандраж. Ноги нервно дергаются. Нельзя оставаться здесь, надо идти. Коричнево-черная скала неприступно и грозно преграждает путь, нехотя открывая нам маленькую, узкую, еле заметную тропинку над обрывом.

Раз. Аккуратно, очень медленно наступаю на краешек правой ногой. Пальцы пытаются врасти в камень как корни. Два. Правой рукой хватаюсь за выступ. Внутри все застыло. Вниз летит песок и несколько камней. Три. Теперь я полностью над пропастью. Страшно. Но почему-то страх сгореть сильнее, чем разбиться с большой высоты. Банти уже в нескольких метрах от меня. Черный дым устремляется ввысь, обволакивая оставшиеся строения маленького пещерного города. Четыре. Ладони обильно потеют. Как бы не соскользнуть и не упасть. Острый камень трет кожу между пальцев. Пять. Снова переставляю ногу. Каждая мышца, как струна, натянута и напряжена. Шесть. Не вижу Банти, он скрылся за поворотом. Отвес скалы переливается оттенками багрового зарева. Коричнево-оранжевые волны пламени разлетаются и соединяются вновь. Семь. Двигаться становится сложнее. Ближайший выступ находится дальше. Нужно сильно вытянуться. Крепко сжимаю пальцы, цепляясь за острую поверхность горы. Восемь. Нашел выступ. Есть. Но как теперь лезть дальше. Ноги, опираясь, сильно раздвинуты, руки еле держатся. По спине, с головы, течет холодная струя пота. Девять. Не могу переставить правую ногу. Здесь не за что зацепиться. В уши отдает грохот такта стучащей груди. Рука соскальзывает. Пальцы вот-вот разомкнутся от предельной скованности. Не дышу.

«Ренеееееее!» — кричит мальчишеский голос сверху.

Поднимаю голову. Сверху тянется уже знакомая маленькая ладошка, пытаюсь коснуться пальцев руки. Взъерошенные волосы друга покрылись черной сажой, превратившись в извилистые бугорки. Еще чуть-чуть. В отражении карих глаз горит оранжевое пламя, выразительно отрисовывая детали чумазого лица: напряженный курносый, чуточку поглубевший нос, стянутые в трубочку губы, впалые и натянутые испачканные щеки.

Десять. Хватаюсь за руку. Банти тянет вверх, крепко сжимая пальцами уставшую худую ладонь. Непроступная скала пытается помешать, удержать, скинув в глубокую расщелину... Но ей это не удастся. Поравнявшись, держась за маленькие, но жилистые и крепкие плечи, взбираюсь в небольшое углубление грозной горы. Искры уносятся в темный водоворот едкого дыма, исчезая как звезды в затянутом ночном небосводе.

Вдох... Выдох... Вдох... Выдох...

Банти продолжает крепко держать мои руки, пытаюсь отдышаться. Маленький краешек хребта приютил нас, дав возможность перевести дыхание. Тонкая грань, как острое лезвие, отделяет от безудержного полыхающего жаркого пламени. Из-под ног падают вниз крохотные песчинки, уносясь в поднимающийся тягучий смог. Сточенные камни упираются в спину. Стреляющие отблески света ало мерцают в черных зрачках, отражаясь в потерянных и грустных глазах. Скрестив пальцы, Банти сидит и смотрит на догорающие воспоминания о граде, призраками уносящиеся в неведомое. Похожие на дивные зеркальные цветы, кристальные грани очерчивают его одинокий силуэт. Опально желтое зарево постепенно тускнеет, сменяясь густой едкой серо-черной вуалью.

Закат... Но не тот, что я видел ранее... Это другое... Что-то умирающее, превращающееся в безмолвную пустоту. Каменные хижины уже совсем не видно. Звуки воплей и воинственных кличей стихли. Только гогот багрового пламени... Совсем недавно факел в моей руке был спасителем, теперь это неведомая безудержная сила, выжигающее все на своем пути.

Что происходит с нами, когда приходит конец... Мы попросту исчезаем? Растворяемся... Превращаясь в пыль, как этот город? Неужели дальше ничего нет?

Взметнувшаяся вверх оранжевая вспышка на мгновение озарила своды пещеры, касаясь лучами наших лиц.

5

Туннель представляет с собой узкий длинный коридор, где свет пламени, отражаясь о зеркальные камни, просачивается сквозь крохотные отверстия, выходящие наружу. Неутихающий плачущий огонь вдогонку мерцает за спинами. Путь снова уводит меня в глубины подземелий, но теперь не одного.

Скоро мрак вновь окутал своды черным одеялом. Только успев об этом подумать, в руке Банти загорелась маленькая свеча. Совсем и позабыл про холщовый мешок, свисающий с плеча моего друга. Тропа одинаково виляет, то уходя немного влево, затем немного вправо, продолжаясь вот уже час... Может более. Мы не говорили с того момента, как сошли с края роковой горы, оставшейся позади. Я все не решался что-либо произнести, боясь потревожить моего спутника, погруженного в мысли. Лишь периодически бегло поглядывая, он безмолвно шел рядом.

«Знает ли он, куда мы идем?»

Стены пещер чуть расширились, ступни погрузились во что-то мягкое. словно шелк, серый песочек просачивается сквозь пальцы, ласково обволакивая кожу. Банти остановился, устало скинув свою ношу, тяжело вздыхая. Карстовый небольшой зал, пронизанный скрипящим холодом, молчаливо нависал своим истертым трещинами куполом. Причудливыми стальными узорами, похожими на веточки деревьев, расписаны своды сумрачных арок.

Подняв под голову холщовую тряпицу, Банти повернулся к стене, оставив рядом место для меня. Не смотря на изнывающую усталость, я совсем не хотел смыкать глаз. Кроме нас здесь никого нет, но ощущение чьего-то присутствия никак не хочет отступать. Вскоре он заснул, крошку посапывая, раскинув руки. Фитилек источает тоненькое свечение, мерцающая теплым ласковым огоньком.

«Как здесь можно понять который сейчас час? Когда пора спать и когда просыпаться?»

Пламя на мгновение всколыхнулось, плавно, как змейка, струясь вверх, а затем так же медленно опустилось.

«Вдруг это единственная свечка у Банти?»

Тихо и аккуратно подхожу к краешку мешка, пытаюсь не потревожить безмятежный сон. Реснички Банти легонько шевелились, под веками в разные стороны бегают зрачки. Ему что-то снится... Надеюсь это что-то хорошее. Рядом с открытыми ладошками лежат несколько свечек. Кажется, друг прочитал мои мысли, оставив их подле себя. Зажигаю новую, ставя в засохший воск рядом с тлеющей ниточкой дыма.

«Время... Существует ли оно для этого маленького мальчика? Как он определяет... День сейчас или ночь? Хорошо хотя бы узнать, какой из этих туннелей может вывести нас наружу...»

Мерцающий свет падает на небольшой светлый, вытянутый формы, камушек, лежащий у моих ног. Сухой и гладкий, он легко помещается в ладонь, покрывая подушечки пальцев налетом белесого цвета. Чирк. Появилась белая линия, разделяющая каменную глыбу на две ровные части.

«Этим камушком можно рисовать!»

Прихватив свечечку, подхожу к стене. Гладкий каменный отвес прекрасно походит на большой и чистый лист бумаги, только черного цвета. Чирк. Теперь и здесь появилась прямая линия. Чирк. А теперь это крестик. Краешки рта поднимаются в улыбке. Чирк. Чирк. Чирк. Точки и линии посыпались как искры, из-под носика каменного грифеля.

«Нарисую-ка я здесь человечка... Вот этот, с кудрявой головой, будет Банти... А это — его улыбающийся до ушей рот... Хих!»

Сосредоточено и внимательно движется рука, вычерчивая каждый штришок. Кружки, словно звездочки, появились на темной глухой стене. Сам того не заметив, я очень увлекся

процессом. Мне нравится рисовать. Это помогает освободить голову от навязчивых мыслей. Они бегают туда-сюда, пытаясь тебя всячески отвлечь, а ты их превращаешь в линии, составляя из них что-то более значимое, тем самым, отпуская их. Нарисованный Банти машет ручкой, приветствуя меня. Рядом с ним стоит такой же веселый я, а над нами светит яркое солнце!

«Щуууууаа?» — послышалось за спиной. От неожиданности вздрогнул, резко обернувшись.

Сонно потирая глаза, Банти выглядывает из-за плеча. Сияние свечи подчеркивало его спутанные волнистые волосы. Заметив рисунок на стене, уголки его губ расширились.

«Ин хана?» — Улыбчиво и трепетно произносит мой друг, разглядывая черно-белые картинки.

Чутьочку стесняясь, делаю еще несколько штришков, дорисовывая человечкам уши волнистой линией. Оба получились очень смешными и забавными, с большими удивленными глазами и смеющимися ртами. Банти заворуженно наблюдает, следя за каждым движением моей ладони.

«Это ты!» — Тыкаю пальцем в грудь Банти, а затем на портрет.

В его глазах сверкнула искорка радости.

«А это — я!» — Показываю на себя и на второго нарисованного человечка, чуть более высокого, с зигзагами на голове.

Мальчик широко заулыбался, прикасаясь ладошкой к рисунку, внимательно разглядывая тоненькие линии, отпечатанные на скале. Проводя пальчиками по контурам, его взгляд замер на шаре, из которого палочками торчат лучи. Что-то непонимающее читается в лице Банти, прикрытое искренним удивлением.

«Это солнце!» — воодушевленно произношу, наблюдая за реакцией друга.

Банти продолжает молча стоять, никак не реагируя.

«Солнце! Свет!» — повторяю, показывая пальцем вверх, раскинув руки в стороны, изображая большой шар.

Заметив, как я жестикулирую, Банти оглянулся. Брови чутьочку придвинулись к центру, веки слегка сузились. На его лице зависла сосредоточенность, слегка поджатая губами...

«Он меня не понимает. Но он же должен знать, как выглядит солнце!»

Взяв в руки свечку, поднес кончик пламени к рисунку.

«Большая яркая светящаяся точка в небе, много света!» — продолжаю говорить, изображая пальцами, как из огонька вспыхивают и струятся вокруг лучи.

Зрачки друга стали постепенно расширяться, вызывая еще большее удивление. Смотря мне в глаза, он искренне не осознавал, что я хотел ему донести.

«Как же так! Неужели ты никогда не видел солнца? В голове не укладывается...» — проносится в голове, лихорадочно потряхивая от безысходности. Смущенно, немножко озабоченно, Банти вертит головой из стороны в сторону, продолжая глядеть на стену.

Пространство будто резко сжалось до маленькой комнаты, где есть только я, Банти и одинокая свечка, палящая в моей ладони. Здесь одиноко и холодно... Отчаянно... За стенами этой комнаты, этой одинокой пещеры — ничего нет. Только тонны безжизненной каменной тверди, сдавливающие последний клочок воздуха, который вот-вот исчезнет...

Чувствую, подкашивается, колени трясутся. Все становится размытым. Пламя свечи переливается, объединяясь с мелькающими серыми фрагментами камней. Ко мне подбегает мутный силуэт, что-то очень быстро лепеча, издавая протянутые звуки. Спина ударяется о тупые выступы, отдаваясь эхом по всему телу. Глаза закатываются, становясь двумя слепыми кругами, погружающимися в темноту.

«Ренееее! Ренееее!» — доносится сквозь толстую пелену гудящего шума...

Глаза открылись. Банти трясет мои плечи, повторяя что-то непонятное. Зиг-загами гремят повторяющиеся звуки, ударяясь по пульсирующим вискам. Все постепенно становится

четче. На долю секунды показалось, что вместо моего друга стоит другой человек, с бесформенным лицом, будто у него совсем не было ни глаз, ни носа, ни рта, гладкая поверхность, но потом видение быстро испарилось.

«Ренеее! Оалуууу?» — испуганно, внимательно заглядывая в глаза, молвит Банти.

Вдох... Выдох...

Упершись рукой о выступ скалы, торчащий под спиной, пытаюсь приподняться. Меня как будто на какое-то время выключило... А потом я вновь очнулся в этом кошмаре. Изодранная рубашка свисает с худого и обессиленного тела. Изнывающая боль в коленках не дает разогнуться. Но что-то промелькнуло в голове, что-то, что я совсем недавно видел, что могло бы помочь объяснить Банти, куда надо идти.

Встав на ноги, взяв в ладошку белесый камушек, решительно подхожу к чёрной стене, исписанной рисунками. Поднявшись следом, Банти удивленно и непонимающе провожает взглядом. Чирк. Из-под грифеля стали появляться новые линии, объединяющиеся в остроко-нечную геометрическую форму. Чирк. К ней тянутся две руки, пытающиеся её ухватить. Чирк. Ещё несколько штришков, очерчивающие контур. Я повторил рисунок в нише, изображенный в жилище Банти. Человек, тянущийся к яркой звезде, предстал перед нами.

«Астра!» — воскликнул Банти подняв руку, указывая ладошкой на рисунок. Его лицо восторженно засияло, но одновременно с этим, слегка чувствовался скрытый под маской восхищения — испуг.

Сработало. Может теперь мы сможем друг друга понять.

«Ты знаешь где это?» — тихо спрашиваю, показывая пальцем на звезду.

Глаза мальчика обратились ко мне, застыв в ожидании.

«Можешь отвести меня туда?» — тыкнув в сторону Банти, а затем на себя, переставляю ноги вверх-вниз, изображая ходьбу.

Опустив руку, маленький друг глубоко призадумался, почесывая ладошкой свои черные запутанные волосы. Замерев на несколько мгновений, его выпуклые губы сузились в тоненькую линию. Банти терзают смешанные чувства: с одной стороны, он хочет мне что-то сказать, с другой, не решается произнести ни слова. Помолчав с минуту, что-то очень внимательно обдумывая, мальчик вновь поднял глаза и посмотрел на меня.

«Рене. Банти. Астра.» — сказал он утвердительно, робко кивая.

«Ты и я... Идем к астре?» — повторяю, продолжая размахивать руками.

«Ара» — произносит друг, степенно задумавшись, храня в себе какую-ту тайну.

В воздухе повисла безмолвная, таинственная тишина.

6

Здесь проходит грань, между тем, что я могу понять и тем, что невозможно ни коим образом объяснить. Я также ощущаю все то, что и раньше: прикосновения тепла и холода, острого и мягкого. Чувствую различные запахи: аромат горящего сладкого воска, свежесть холодной горной воды, еле уловимую пригарь песчинок земли. Но окружающая тьма, постоянно присутствующая, следящая и не отстающая ни на шаг все это время, пытается ухватить и забрать все это. Похитить, украсть, «исчезновить». Тяжелый сгусток тоски медленно и тягостно разъедает, испепеляя радость, уничтожая добро, оставляя вместо них лишь призраки утраченных чувств. Но даже посреди самой глубочайшей тьмы есть искра, не дающая обессиленно упасть и превратиться в бездушный камень. Это искра и есть надежда, способная поднять, возродить, найти в себе силы идти дальше. Идти в мире, где ты не знаешь, что находится за очередным поворотом темного подземелья. Жажда увидеть то, что привычно и понятно тебе. Лучик солнца, кусочек голубого неба над головой. Маму и папу, радостно приветствующих и так долго ожидающих их заблудшего сына. Свою комнату в родительском доме. Прикоснуться к шелестящей траве, увидеть кузнечика и проследить как он вприпрыжку скачет по зеленым колоскам. Вернуться...

Вернуться домой и никогда больше не теряться.

Серые волнистые выемки спиралями нависают над головой. Пёстрые камушки глухо удаются друг о друга, выпадая из-под пяток. Извилистая дорога, местами совсем узкая, труднопроходимая, простирается между сумрачными тяготеющими скованными утесами. Подземные стражи угрожающе следят, притворяясь гладкими валунами причудливых форм, сосредоточенно расставленными вдоль тянувшегося пути.

Хочется пить. Остановившись у небольшой каменной гряды, черноволосый мальчик присел на корточки отдохнуть, опустив голову, уставши дыша. Тоненькая струйка капель воды падает с темного потолка, просачиваясь через змеистый обрубок скалы. Высовываю язык. Крупицы жидкости ударяются о сухой кончик, мгновенно испаряясь. Краем глаза замечаю, Банти внимательно разглядывает растрескавшийся в царапинах овальной формы камень.

Кап! По лбу ударилась маленькая холодная капелька. Спускается вниз, задерживаясь на брови.

«Похоже на первую капельку перед проливным осенним дождем. Жаль, что падает она не с неба».

Что-то шуршит. Опускаю голову. Кончики пальцев Банти пытаются соскрести старую засохшую грязь с валуна. Под старым толстым слоем пыли проступает краугольный силуэт, меркнувший в отсвете свечи. Коричнево-черный, полустертый символ, состоящий из длинного вытянутого овала, рассечен несколькими прямыми линиями. Над формой торчат две точки, а чуть повыше изображены еще два круга...

Это изображение лица. Только какого-то злого, мрачного.

«Гуприеки» — серьезно произносит Банти, продолжая рассматривать символ.

«Когда я уже начну понимать, что ты говоришь?»

Мальчик повернул ко мне голову, сосредоточенно осматриваясь. Прошло совсем немного времени нашего знакомства, но Банти будто успел стать старше. Нахмуренные брови подчеркивают его вострый и вдумчивый взгляд. Контуры щек, покрытые копотью, прорисовывают угловатые прямые линии. Его детские, ангельские черты стали строже, четче, мужественнее.

«Если бы я сейчас увидел отражение своего лица... Узнал бы я себя?»

Глаза Банти зависли на мгновение, всматриваясь в одну точку. Два черных зрачка медленно расширяются, пристально замерев. Затем снова переместились, и так несколько раз.

«Когда-нибудь, ты расскажешь больше про себя, Банти. Я узнаю больше о тебе, о твоём доме, о твоих родителях. О том, что ты любишь, о том, что тебя радует. Мы сможем наконец-то поговорить на понятном нам обоим языке. Рассказать друг другу о своих жизнях... Я тебе расскажу про бескрайнее небо, про отдаленные страны, про поля и океаны. А ты мне про самые глубины подземелий, про жителей этих мест, про свой народ, про то, как вы здесь оказались, про то, что означает твоё имя. Про все... А пока. Пока я буду наблюдать за тем, как ты меняешься. И буду учиться понимать твой причудливый, неизвестный мне язык».

«Кыц... Кыц... Кыц...» — тяжело лязгает что-то пронзительное.

Банти резко повернулся в сторону звука, наострив уши. От неожиданности чуть не пискнув, плюхаюсь рядом. Прижавшись ступнями к камням, сидим не двигаясь, вслушиваясь в темноту.

«Кыц... Кыц... Кыц...» — снова слышится приближающее глухое металлическое клацание.

Обернувшись, не теряя бдительности, друг машет рукой в сторону торчащего из земли обрубка скалы, за которым можно спрятаться. На цыпочках, в полуприседе, стараюсь бесшумно наступать на камни. Банти идет следом, прикрывая ладошкой огонек. Заворачиваю за угол. Здесь длинные серые каменные полосы, похожие на старческие морщины. Банти задувает свечу.

Снова крошечная тьма. Прерывистое дыхание громко отдается в уши, пытаюсь сделаться видимым. Чувствую тепло, Банти совсем рядом.

«Кыц... Клацц...» — из туннеля показался маленький огонек, отражающийся о коричнево-серые стены.

Банти настороженно выглядывает в сторону приближающегося свечения. Сначала размытый, но постепенно становившийся четче крупный силуэт показался в воротах туннеля.

Массивное, тяжело ступающее, с большим выпячивающимся животом существо медленно бредет вперед, лязгая чем-то тяжелым, свисающим с правой руки. Прямоугольно приплюснутая голова, с узкими маленькими глазками и большим, как картошка, носом. Оттопыренные серые губы, из-под которых проступают грязные, желтоватые зубы. Грубая толстая шея, почти сразу переходящая в слоноподобное полуголоое тело. Увесистые складки перетекают в брюхо, под которым висит старая истертая набедренная повязка. Ноги все в синяках и красных запекшихся ссадинах. Со стороны этот человек больше похож на какого-то неандертальца, нежели на разумное существо.

Жутко.

«Клацц... Клацц... Кххххх...» — что-то привлекло его внимание.

Голова толстяка опустилась вниз. Потыкав землю продолговатым предметом, похожим на каменную дубину, он замер. На его лице появилась очень сосредоточенная гримаса, пытающееся что-то уразуметь.

Банти сильно сжал веки и разочарованно посмотрел на меня, как бы за что-то извиняясь.

«Что случилось?»

Продолжаю наблюдать за существом. Оно пытается нагнуться, подвинувшись чуть назад, растопырив свои толстые пальцы, похожие на свисающие сосиски. Такое странное ощущение, будто мы что-то забыли.

«А где мешок?» — вопросительно поворачиваюсь к Банти.

Мальчик виновато глядит на меня, переводя взгляд в сторону бряцания и хрюканья подземного обитателя. Хрыча и сопя, с натугой разгибаясь, толстяк приподнимает охровую холщовую тряпицу. Из-под расплывчатых морщин, вытаращились черные пронырливые глазенки, внимательно осматривающие предмет.

«Хрээээээээээ» — сипло ревет существо, тягуче оглядывая безликих серых стражей.

Пригибаемся, спрятавшись за острую верхушку скалы. В ладошках Банти лежит единственная, маленькая потухшая свечка, оберегаемая им, словно любящая мать, держащая в руках родное дитя. Отражение черного силуэта тускло мелькает в отсвете отдаленного пламени, едва ощутимо колыхаясь на отвесной стене позади.

«Вот же незадача. Там лежат все наши вещи. Свечи, ядло, еще какие-то штуки Банти...»

Снова клацание. Аккуратно, стараясь не шуметь, приподнимаюсь над макушкой друга. Существо повернулось, обнажая обвислые морщинистые впадины спины. Кожные борозды покрыты коричневой грязью. Вздутые пальцы сжимают мешок, плетясь вслед за тяжелым шагом.

«Он уходит! С нашим мешком, Банти! Что же нам делать? Нужно следовать за ним. Ара... Ара!» — суетливо молвлю, дергая друга за плечо.

Мальчик высунулся, презрительно провожая глазами громилу. Свет меркнет, растворяя во мгле контуры скальных пород, вновь обреченных остаться наедине с собой. Призрачная нить алых частичек зари скрывается за покровом беспросветной ночи.

«Ара» — повторяет испуганный, но стойкий мальчишечий голос.

Ноги идут в след за уносящемся покрывалом, окутывающим светом очертания стен. Нужно держаться на расстоянии, чтобы существо нас не заметило, но и отставать нельзя, иначе мы рискуем остаться во мраке. Может в какой-то момент оно оставит наш мешок, отвлечется на что-то, и тогда мы заберем его назад и убежим. Гигантская тень шагает впереди, бормоча непонятные слова себе под нос, периодически помахивая каменной дубиной, будто воображая и ударяя невидимых врагов, выпрыгивающих из-за каменных плит. Поворот за поворотом, молча, лишь многозначительно переглядываясь, не отстаем друг от друга ни на шаг.

«Ай!» — чуть не закричав, прикусив язык, тру расшибленный большой палец ноги.

Закрываю руками рот.

«Только бы он ничего не услышал! Только бы он ничего не услышал!»

Громила, не шелохнувшись, продолжает плестись, игриво побеждая своим орудием мнимых соперников. Грохочущий марш, сотрясающий левую часть груди, постепенно сходит на нет. Банти, испугавшись, сначала посмотрел на меня, а затем уставился на мои ноги, не сводя с них глаз.

Опускаю голову. Валяющийся под ногами обугленный человеческий череп тарачится пустыми черными впадинами. Когда-то у него были глаза, такие же как у нас, смотрящие на мир, на эту пещеру. Теперь вместо них пустота. Чуть поодаль лежит еще один, чуточку меньше, с огромной трещиной на лбу. Поворачиваюсь. Банти тоже опускает голову. Рядом с ним, кажется... Пойдите... Да тут целое кладбище... Казавшиеся безликими камнями, оказались мертвыми. Осязаемая дрожь обжигает кожу, сводя ноги, делая их неподъемными. Зрочки быстро бегают, оглядывая усыпанный костями пол. Левый мизинец упирается прямо в чьи-то старые зубы. Отдергиваю ногу.

«Не хочу знать откуда они здесь... Не хочу, не хочу, не хочу!»

Парализованная отрешенность. Рука Банти хватает за плечо, отчего я чуть не завопил. Глаза, охваченные тревогой, понимающе внимают, как бы говоря: «Мне тоже страшно, но мы должны следовать за этим чудищем. От этого зависят наши жизни.» Рычание отдаляется, множа черноту впадин, превращая пещеру в один большой череп, объятый сном. Ведомые борьбой, ступни продолжают шагать, стараясь не тревожить усопших. Преодолев небольшой подъем, сотканный из десятков, может сотен останков, существо наконец остановилось.

«Кыц... Кыц... Хрящщщ...» — Пламя оголяется.

Хмурые морщины залились светом горящего костра, сияющего в центре грота. Громила скидывает с загрубевшего маскулинного плеча нашу ношу, оглядывая храпящие тела. Прожорливые брюха поднимаются и опускаются, испуская протяжное сопение. Узколобые, большеносые, укравшиеся в недрах дикари. Губы издают легкий свист, обнажая редеющие клыки.

«Один, два, три... Четыре... Вот еще пятый, чуточку по меньше, лежат голыми вокруг алого кострища, прямо на костях...»

Толстяк, почесав бочину дубиной, бросил ее рядом с мешком, широко разинув пасть, зевая, причмокивая черным как уголь языком, опустившись затем всей своей тушей в бряцающие останки, рядом с таким же спящим громилой. Отрыгивающий хрип постепенно затих, став убаюкивающим сонным сопением. Лишь дрогнула нога, как бывает в момент, когда ты почти заснул. Выжидающе наблюдая, приподняв голову, Банти направил свой взор на меня. Глаза говорят вместо слов.

Медленно опускаю стопу... Вдох... Выдох. Делаю шаг... Вдох... Выдох... Нога в ногу ступает Банти, сосредоточенно всматриваясь в разбросанные кости. Еще один шагок... Животы продолжают двигаться вверх и вниз, в такт хрюкающей колыбельной. Костер уже ближе. Еще шаг. Второй, третий, четвертый, пятый. Осторожно переступаю через торчащую пятку, покрытую сажей.

Любой шорох может стать последним.

Грубое заплывшее лицо уткнулось в холщовую ткань, выдыхая из овальных волосатых ноздрей струйки едкого угара. Колотит. Намокли подмышки. Огромная массивная рука громилы сжимает свое каменное вытянутое орудие. Хватит одного раза, чтобы придавить нас обоих в лепешку. Дрожащей рукой сжимаю мешок. Теперь нужно аккуратно его приподнять, не задев спящего гиганта. Друг позади вытягивает руки, кладя кисти мне на плечи. Жёлтые зубы шевельнулись, поскрипывая трясь друг о друга. Задерживаю дыхание. Ладонь сильно сжалась, остро цепляясь ногтями в кожу. Затылком чувствую, как Банти с ужасом пытается оттащить меня. Толстяк широко раскрывает рот, обнажая розово-серую глотку, рыча прямо в наши напуганные лица. А затем, жамкая, вновь смыкает губы, продолжая присвистывая сопеть.

Выдыхаю...

«Нужно поскорее убраться отсюда.»

Оборачиваюсь. Оробевшее мальчишечье лицо неотрывно глядит на приплюснутую голову. Шагок назад. Мешок свисает с плеча. Ступни погружены по щиколотку в кости. Банти медленно пятится назад, постепенно приходя в себя. Дрожь стучится по телу, просясь выйти наружу. Еще один шагок. Вроде никто еще не проснулся. Упитанные физиономии глубоко погружены в небытие. Угли продолжают тлеть, испаряя сероватый дым. Осталось обогнуть последнего, небольшого здоровяка, почивавшего с краю. Хочется резко сорваться с места и бежать что есть мочи. Бежать, не оглядываясь, ни смотря ни на что, как можно дальше от этих... Этих людоедов. Перешагиваю через вытянутую пухлую ладонь.

Обжигающий огонь полыхнул от цепких загрубевших ногтей вверх по голени. Короткие толстые пальцы шевельнулись, резко схватив лодыжку. Большещечная морда открыла веки, откуда на меня уставились два круглых вытаращенных глаза.

«Вот и все. Все пропало.»

Толстое прямоугольное лицо неподвижно застыло, испуганно озирая непрошенного гостя. Пухлые губы досадно сжимаются, уши оттопырено торчат. Морщин практически нет, только лишь на лбу проступают волнистые линии, удивленно приподнимающие редкие обожженные волоски на макушке. Черный шар пронзительно всматривается, наивно и растерянно дергаясь влево вправо, влево вправо, влево вправо...

Есть лишь миг, натянутая нить вот-вот порвется, вновь запустив непоколебимый такт времени. Застрыв между двумя разрывающимися силами закрыть лицо руками и попыткой вырваться, неожиданно, появляется фиолетово-зеленая фигурка, протянутая в дрожащей маленькой ладошке.

Тик... Так... Стучит сердце, вместо стрелки часов. Вытаращенные черные точки опускаются, уткнувшись в выцарапанные пигментом кривые линии, спиралью обволакивающие вытянутый краешек маленького камушка. Та самая фигурка Банти, которую я заприметил,

оказавшись в его комнате. Раскрытая ручка поддвигается ближе к лицу здоровяка, чертами отличающегося от своих сверстников... Оно выглядит моложе, невиннее.

«Это дитя... Такой же мальчик, как и мы. Только совсем не похожий на нас... Внешне он заметно старше, но глаза выдают в нём совсем малыша.»

Банти достаёт из мешка ещё фигурки, две другие, красную и чёрную, с белой точкой. Медленно, он кладёт их на землю, боясь сделать лишнее движение. Цепкие пальцы продолжают крепко сжимать лодыжку, но малыш, кажется, слегка вытянув уголки рта, заинтересовался ими.

Каменная хватка ослабевает. Тысячи мурашек, маленькими лапками, быстро разбегаются по коже.

Тик... Так...

Делаю шаг назад.

Тик... Так...

Туннель совсем близко, надо лишь перемахнуть через возвышенность.

Тик... Так...

Дыхание учащается, разгоняясь в такт шагов.

Тик... Так...

Кости шуршат под ногами. Свет сменяется уже привычной тьмой.

Тик... Так... Тик... Так...

Тик... Так...

«Уаааааааааааааа!» — вонзаются в спину ножи протяжным детским плачем.

«Ара!»

Банти бежит что есть мочи. Стучащие вопли мечутся в погоне проносащегося ветра, глухо клацают зубами. Туннель резко заворачивает вправо, сужаясь внутрь. Ноги заплетаются, перепрыгивая через хрустящие черепа. Пятки проваливаются, подкашиваясь в бездну обрыва. Падаю вниз.

7

«Банти!»

...

«Ты где... Бантиииииии...» — ледяной отзвук спиралью уносится наверх.

«Где же ты...»

...

Мешок. В мешке есть свечи, их можно зажечь. Но как? Я не видел у Банти спичек. Не помню, чтобы он их как-то зажигал. Он подпаливал фитилек от предыдущего, пока горело пламя. Хотя нет. Тогда в комнате, Банти чем-то чиркнул, что появилась искра. Должно же быть здесь что-нибудь...

Что-то круглое. Это похоже на ядро. Овальное. Еще одно ядро... Что-то холодное, твердое. Шероховатое. С наточенным острым концом. Вероятно, камень небольшой формы. Стусток чего-то мягкого, то ли пух, то ли запутанная бечевка... Продолговатые палочки... Свечи... А это что. Камень побольше, увесистый, одна сторона будто отточена мелкими царапинами. Дно мешка... Все. Здесь больше ничего нет...

«Как мне зажечь огонь?»

Не мог же Банти все это время таскать камни просто так... Может это тоже фигурки? Но тех было всего три, этих я не видел. Камень побольше и камень поменьше... Ну а если...

Чирк.

Ничего не произошло.

Чирк. Чирк. Чирк.

Лишь глухой скрежет. Просто два камня, как и все остальные покоящиеся в пещере. Проверяю мешок еще раз. Все тоже самое. Никаких спичек.

«Бантиииииии...» — Эхо разносится в пустоту.

Нет ответа. Искать его на ощупь, в полной темноте, все равно что без глаз. Может он упал куда-то в другое место. Так же, как и я кричит сейчас и не может докричаться. А вдруг он... Разбился... Пробегает дрожь. Я должен его отыскать. Что же делать? Есть свечи, но нет огня. Чертовы камни!

Хрясь!

Камень сверкнул, ударившись со всего маху о насыпь под ногами. Черное покрывало на мгновение рассеялось.

«Искра!» — крапинка света зажглась и сразу же потухла, как падающая звездочка в ночи.

Где же он... Опускаюсь на колени. Маленькая галька, не то... Отлетел куда-то. Пальцы обволакивают прилипающие песчинки. Нашупал, вот он! Весь потертый. Нужно посильнее вдарить маленьким камушком по большому.

Чирк. Чирк.

Вспышка осветила стертые ссаженные коленки.

Чирк. Чирк. Чирк!

Ай! От самых кончиков до плеча пульсирует левая рука. Острое лезвие разъяренной болью пронзает ладонь. Обрубок выпадает из руки. Подушечки пальцев касаются глубокой царапины, рассеченной по диагонали.

«Промахнулся... Ладонка не сжимается... Кажется, немеет.»

Темно. Совсем темно. Чернота, обнажив клыки, впилась, как стая голодных волков, высасывая кровь из заблудшей жертвы.

«Тебе легко здесь быть. Тебя здесь большинство.»

«Ты заполонила собой все вокруг, каждый уголок, каждый камушек, каждую крупицу. Спрятала все пути, укрыла непроглядной завесой лабиринты пещер, растворила в себе целый

город. Ты царствуешь и властвуешь, тебе никто и ничто нипочем. Ты получаешь все, что тебе вздумается. Дурачишься, пугаешь, играешь со всеми. Тебе нет здесь противника, нет той силы, способной тебя усмирить. Ты безнаказанна и неприступна. Так что же ты до сих пор меня не поглотила, а? Все ждешь, когда твоя жертва сама тебя попросит? Заводишь страдальца в тупик, изнываешь над ним, смотришь, как он корчится, плачет, просит о помощи, теряет надежду, теряет рассудок, теряет самого себя и угасает? А потом ты, как гиена, приходишь и ешь его падаль? Вот ты какова?»

«Так вот знай. Есть тебе противник, и это не я, нет. Я всего лишь потерявшийся мальчик, что я могу тебе сделать? Нет у меня того могущества, что дано тебе. Нет у меня столько смелости и отваги, чтобы тебя укротить. Я бессилён... Но не бессилён свет! Ты спряталась от него, под толщею земли, укрылась под титановой горою, закрыла все двери, чтобы ни один лучик солнца не смог сюда попасть. Ты устроила здесь бесконечную ночь, заставила всех забыть, что есть рассвет, есть яркий день, где даже если ты совсем один и потерялся, ты обязательно найдешься. Потому что свет поможет тебе, укажет тебе путь, согреет под теплыми лучами. Найдёт тебя, где бы ты ни был. И ты его найдешь, потому что он рядом. И даже здесь, в твоём царстве, тьма, где ты собою все заполонила. Даже здесь, тебе не спрятаться от него!»

Чирк!

Яркая вспышка зажгла искру на фитиле свечи, обнажая стекающие ручьи крови, обвиняющие руку. Тьма поежилась, отпрыгнула, как ужаленный огненной змеей зверь. Бездонные глаза расвирепели. Пламя горит, горит! Кончики лучей пытаются дотянуться до краев пропасти над головою, но не видно начала ее.

«Бантйййййй!»

Его здесь нет. Ночь пятится назад, оголяя землю, унося с собой беспросветный плащ. Очертания постепенно становятся явными. Впереди длинный коридор.

Пшшшшшш... Шепчет огонек.

...

Туннель идёт прямо, не сворачивая. Эхо шагов не слышно. Неестественность этого места пугает. Стены ровные, будто высечены внутри скалы. Даже галька под ногами чересчур аккуратно лежит. Хочется закричать... Но комок в горле не даёт этого сделать. Кажется, что может кто-то услышать. И это будет не Банти.

Узкая галерея ведет дальше. Кровь успела засохнуть. Если повернуть и пойти в обратную сторону, будет все равно казаться, что идешь вперёд. Настолько здесь все одинаково. Серый сводчатый потолок незаметно переходит в стены, ровным строем идущим следом за тенью. Свечка наполовину сгорела, капая горячим воском на кожу. Стоячий воздух. Здесь нет ветра.

Надо было начать считать шаги. Проход еще ни разу не завернул, не расширился и не сжался. Нет никаких звуков. Только колышется свечка, бесшумно, да и однородный шелест гальки, уже почти неслышно шерстит в ногах.

Что если я не найду Банти. Нужно вернуться. Попробовать залезть наверх, по отвесной скале. Вдруг он не упал и сейчас в руках у дикарей. Все произошло так быстро... Я даже не успел ничего понять.

Останавливаюсь. Однородная скальная гладь глухо смотрит. Вперед, назад, все то же самое. Ты меня путаешь. Пойду дальше.

Шаг за шагом ничего не меняется. Когда уже закончится этот туннель? Сколько я уже прошел? Кровь успела засохнуть за это время. Если повернуть и пойти в обратную сторону, будет все равно казаться, что идешь вперёд. Настолько здесь все одинаково.

Узкая галерея ведет дальше. Стены насаждают. Что если я не найду Банти. Банти... Где же ты. Может он упал куда-то в другое место. Так же, как и я кричит сейчас и не может докричаться. А вдруг он... Разбился... Пробегает дрожь. Я должен его отыскать.

Туннель идёт прямо, не сворачивая. Шаг за шагом, лишь галька. Я, наверное, зашел уже слишком далеко. Ни тепло, ни жарко. Не слышно не единого звука, даже эха шагов. Неестественность этого места пугает. Стены ровные, будто высечены внутри скалы. Даже галька под ногами чересчур аккуратно лежит. Если повернуть и пойти в обратную сторону, будет все равно казаться, что идешь вперёд. Настолько здесь все одинаково. Серый сводчатый потолок незаметно переходит в стены, ровным строем идущим следом.

Свечка наполовину сгорела, капая горячим воском на кожу. Подушечки пальцев касаются глубокой царапины, рассеченной по диагонали. Конца не видно. Странное место. Если посмотреть в обратную сторону, будет все равно казаться, что идешь вперёд. Его здесь нет. Все произошло так быстро. Вдруг я, сам того не заметив, пошел назад, думая, что я иду вперёд. От самых кончиков до плеча пульсирует левая рука. Пшшшшшш... Шепчет огонек. Когда уже закончится этот туннель?

Огонек слегка потянулся вверх. Воск на коже застыл. Надо было начать считать шаги. Ничего не меняется. Останавливаюсь. Однородная скальная гладь глухо смотрит. Ты меня спутала. Скачущее пламя на фитиле свечи обнажает засохшие ручьи крови, обвивающие руку. Подушечки пальцев касаются глубокой царапины, рассеченной по диагонали.

Дотрагиваюсь до стены. Кровавый след отпечатался ладонью. Теперь здесь не все одинаково. Ты меня не спутаешь.

Колышется свечка, бесшумно, да и однородный шелест гальки, уже почти неслышно шерстит в ногах. Серый сводчатый потолок незаметно переходит в стены, ровным строем идущим следом за тенью. Свечка наполовину сгорела, капая горячим воском на кожу. Надо было начать считать шаги. Сколько я уже прошел?

Пшшшшшш... Шепчет огонек. Неестественность этого места пугает. Что-то не так. Узкая галерея ведет дальше. Стены насаждают. Свечка наполовину сгорела, капая горячим воском на кожу. На кожу... Смотрю на руку. Кровь почти высохла. Стена... Кровавый след отпечатался ладонью. Останавливаюсь. Однородная скальная гладь глухо смотрит. Здесь его нет. Нет следа...

Туннель идёт прямо, не сворачивая. Шаг за шагом, лишь галька. Я, наверное, зашел уже слишком далеко. Серый сводчатый потолок незаметно... Если повернуть и пойти в обратную сторону, будет все равно казаться, что идешь вперёд. Настолько здесь все одинаково. Одинаково... Стены ровные, будто высечены внутри скалы.

Пшшшшшш... Шепчет огонек. Ты также шипел и раньше... Свечка на половину... Сгорела... Ничего не меняется. Если повернуть и пойти в обратную сторону, будет все равно казаться, что идешь...

Вперёд...

Туннель не заканчивается. Если идти вперёд, кажется, что одновременно идешь назад... Назад... Однородная скальная гладь глухо смотрит. Стены насаждают... Насаждают. Нет следа... Ты меня спутала.

Спутала...

Пшшшшшш... Свечка потухла.

...

«Ты думаешь, мальчик, ты можешь просто так взять и прогнать меня?» — эфемерно, призрачно прозвучал голос из ниоткуда, холодно дыша в уши.

«Кто ты... Кто это говорит?»

Звук, отражаясь о края, возвращается и снова отдаляется.

«Кого ты здесь видишь?» — продолжает голос.

«Я... Никого не вижу... Здесь полная тьма» — комок подступает к горлу.

«Ты ясно видишь, мальчик. Несмотря на то, что свет покинул тебя.»

Призрачно-таинственный глас проносится сквозь голову, грудь, руки, обволакивая кро-
мешной ночью пальцы. Она стала осязаемой... Словно материя.

«Ты спустился сюда, мальчик. Начал указывать, свечкой махать, угрожать. Разве так себя
ведут непрошенные гости?»

«Я... Я...»

Трудно говорить.

«... Я всего лишь хочу выбраться отсюда. Но...»

«Но...?»

«Но ты скрыла собою все вокруг...»

«Как же!» — презрительно воскликнул голос, приблизившись настолько близко, словно
он звучит в моей голове.

«Легко, мальчик, все свалить на другого. Разве я виновата в том, что ты заблудился? С
тем же успехом можно обвинить свои ноги, приведшие тебя сюда. Или пещеры, стоящие здесь
многие тысячи лет. Людям свойственно перекладывать ответственность... Лишь бы найти
виновного.» — ехидно молвит тьма.

«Я не знаю...»

«Чего ты не знаешь, мальчик?»

«Никто не виноват... Но я не знаю, как дальше быть. Все что я помню — это падение
со скалы в синеву воды. А потом... Потом я очнулся здесь. Все вышло случайно... Затем я
оказался в городе, горящем городе. Встретил Банти, а теперь не могу его найти... Я пытался
понять, как мне выбраться отсюда, но всюду лишь запутанные лабиринты катакомб и беско-
нечная ночь...»

Нависает молчание.

«Возможно, я знаю, как тебе помочь, мальчик.» — продолжает шептать загадочный
голос.

«... Ты... Ты хочешь мне помочь?»

«Ты ясно слышишь, мальчик.»

«Ты знаешь выход отсюда?»

«Знаю.»

Внезапно появившиеся силы подталкивают ноги, жаждущие ходьбы.

«Ах! Пойдем скорее!»

Оборачиваюсь.

«Только сначала я должен отыскать Банти...»

Ответа не последовало. Тишина. Уши наострены, замерев в ожидании.

«Зачем тебе он, мальчик?» — выждав какое-то время, продолжает тьма.

«Как же! Он мой друг...»

«Ты хочешь выбраться отсюда, мальчик?»

«Хочу, очень хочу!»

«Тогда пойдем. Время не ждет, в отличии от меня.»

Снова тишина. Легкий ветерок подул в лицо.

«Но как же Банти...»

«Выбраться отсюда можешь только ты один.» — продолжает голос.

«Почему?»

«Банти не следует уходить отсюда.»

Внутри стало очень холодно.

«Почему...»

«А почему ты решил, мальчик, что Банти должен пойти с тобой?»

«Но... Я не могу оставить его здесь совсем одного. У него нет ни свечей, ни огня... Я
даже не знаю жив ли он.»

«Может стоит оставить все как есть, мальчик?»

«Нет! Я так не могу. Он бы меня не бросил!»

Эхо устремилось в разные стороны. Как будто нету здесь стен и потолка. Звук отдаляется дальше и дальше, превращаясь в протянутый гул.

«Я не куда не пойду с тобой, тьма, пока мы его не найдем!»

«Это твоё окончательное решение, мальчик?»

«Да!»

...

Яркая вспышка зажгла искру на фитиле свечи, обнажая стекающие ручьи крови, обвивающие руку. Подушечки пальцев касаются глубокой царапины, рассеченной по диагонали. Кончики лучей пытаются дотянуться до краев пропасти над головой, но не видно начала ее. Тьма рассеялась, обнажив маленькие овальные камушки под ногами. Мешок, из которого торчат несколько свечек, лежит неподалеку. На нем пятна крови. Кажется... Слева кто-то лежит... Банти! Взъерошенные волосы на макушке торчат, как растрепанные стебли после сильной грозы.

«Банти...» — аккуратно пытаюсь повернуть мальчика, придерживая за плечи.

«Очнись, пожалуйста!»

Теплый свет огня озаряет безмолвно закрытые закоптившееся веки. Тоненькие реснички прогибаются под толстым слоем пепла, напоминающим зимний февральский иней. Рот чуток приоткрыт.

«Банти... Банти!»

Кончик носа отрешенно застыл на недвижимом лице. Не двигается.

«Милый... Милый Банти... Пожалуйста, очнись! Не оставляй здесь меня одного. Прошу, вернись! Банти!»

Лицо безмятежно обращено в пустоту.

«Я искал тебя... И я нашел. Но ты не здесь...»

Слеза стекает вниз, падая на белую щеку мальчика. Капелька ударяется о маленькие пылинки, разлетающиеся серыми снежинками. Легкий ветерок всколыхнул прядь волос, сбрасывая дымчатую золу. Нижняя губа слегка дернулась.

«Нужна вода.»

Рядом течет ручеек. Зачерпываю ладошкой. Холодная струйка стекает по небу мальчика, размягчая сухие краешки у рта. Сквозь коричнево-черные пятна грязи проступают розовые крапинки. Крылья носа медленно приподнимаются и опускаются, выдыхая изнеможенный поток воздуха. Бледнолицость спадает, скидывая с себя пепельное покрывало.

Ресницы шелохнулись. Веко оживилось, обнажая выпуклое зеркальце — отражение глаз.

«Банти!»

Мальчик измотанно оглядывает черным зрачком пространство вокруг, остановив взор на мне. В глазу сверкнула узнаваемая искорка радости.

«Тьма хотела забрать тебя, Банти. Но я не позволил ей этого сделать. Она хотела запутать меня, увести... Но теперь ты здесь... Со мной.»

...

Коридор идет прямо. Здесь есть небольшие завороты, углубления, перетекающие в потолок и затем обратно в серо-кирпичные стены. Этот проход ничем не отличается от других пещер. Нет ровных стен... Казавшихся ранее.

Придя в себя, Банти еще какое-то время был замкнут. Взяв его за руку и пытаясь приподнять, он, слегка прищурившись, дал понять, чтобы я обождал. Я слегка поторопился, забыв обо всем на свете, радуясь, что наконец нашел своего друга. Он долго смотрел перед собой, лежа на земле. Казалось, что в голове у него есть очень сложная мысль, которую необходимо было тщательно обдумать, уразуметь. Мне же покоя не давал тот странный разговор в длинном

туннеле. Голос из тьмы хотел показать мне выход. Он так же, внезапно, исчез, как и появился. Привиделось ли мне это? Свечка продолжала гореть, постепенно становясь короче, освещая поток гальки под ногами.

«Рене!»

«Выбраться отсюда можешь только ты один». Голос, будто снова повторил эту таинственную фразу. Почему он так сказал? Что это означает?

«Рене!»

«А?» — поднимаю голову.

Банги, указывая пальцем, недоверчиво глядит вперед, придерживаясь ближе к краю стены. Туннель закончился.

«Закончился... Я словно был где-то не здесь.»

Отвесные стены грота разъехались в разные стороны, образовав небольшую круглую комнату. Лучи света огибают пространство, переливаясь извилистыми корнями о шероховатую поверхность, возвращаясь обратно в черненький фитилек свечки.

В центре комнаты отверстие. Массивные каменные ступени спиралью закручиваются, опускаясь под землю. Банги аккуратно обходит спуск, вытянув шею, заглядывая в спускающиеся веером плиты. Остановился. Пламя освещает его маленькое личико, выделяя его на серо-черном фоне камня.

«Куда уже ниже? Банги. Знаешь ли ты, куда мы идем?»

Банги не знает этой дороги. Пугливо-любопытствующий взгляд кругом огибает неизвестную дорогу вниз. Оранжевые искры пламени шепчут на своём тайном языке. Пальцы ноги коснулись первой ступени.

8

Каменная отвесная стена, ограждающая древнюю, построенную сотни лет назад крепость, высоко возвышается над маленькими зелёными деревьями, среди которых торчат соседствующие друг на друга ржаво-кирпичные крыши домов. Их так много. В каждом из них кто-то живет. Среди маленьких окошек, чугунных труб, длинных проводов, разветвленных улиц, встречаются люди. Знакомятся, общаются, гуляют, ходят друг к другу в гости. Вот выходишь ты на улицу, и каждый раз тебе может попасться новый человек! У него своя жизнь, свои дела, свои мысли. Он куда-то идет, улыбаясь, идя в такт по мостовой. Может к себе домой после длинного насыщенного дня, а может с кем-то встретиться. Этот человек радостно напевает себе любимую песню, которую ты слышал как-то вечером из радиоприемника, сидя вместе с семьей. Мимо, вскользь, быстро-быстро, нервно ступает другой. Его что-то тревожит. Может он с кем-то поссорился и теперь, сунув руки в карманы, задумчиво разглядывает истертые носки ботинок. Рядом резвятся дети, играющие в старый отцовский мяч, вприпрыжку отскакивающий о поднимающиеся пятки. Старушка из распахнутого окна тепло и любя присматривает за ними, поливая цветы. Проходят дни. Вместо старых обветшалых домов строятся новые, более высокие, современные. Малыши подрастают, идут в школу. Те двое давно ушли в разные стороны. Не знаешь, встретишь ли ты их еще когда-то. А если встретишь, узнаешь ли?

«Рене! Немедленно слезай оттуда!» — кричит мамин голос.

Листочек пролетает мимо лица, крутясь под ярким солнечным светом ясного дня. Смотрю вниз. На нижней части стены, у поворота за угол, стоит мама. Она машет рукой, ладошкой подзывая к себе.

Здесь, наверху, так отчетливо видно город.

«Рене!» — повторяет голос, трепетно окликая.

«Сейчас спущусь.»

Узкая перемычка, соединяющая аркой каменные пролеты, нависает над пропастью. Спускаться, однако, страшнее. Выдолбленные много веков назад отверстия, напоминающие ступени, изрядно стерлись. Подошва сандалий проскальзывает, выталкивая пальцы вперед. Ухватившись за выступ, придерживаясь локтем, свисаю. Прыжок. Уровень ниже. Когда-то давно здесь стояли в карауле воины, высматривая вдаль приближающихся противников. Теперь охранять здесь некого. Эта стена, то небольшое, что осталось из прошлого. Прыжок. Ступни приземляются на длинную колею, идущую по всему периметру крепостной стены в виде дорожки. Узкие окошки, куда не влезает голова, через каждые несколько метров выходят на крыши домов, не счесть сколько раз перестроенных за все то время.

«Сколько можно тебя просить не залезать так высоко, Рене! Я же волнуюсь. Здесь опасно.» — рука касается плеча.

Теплый узкий подбородок опустился на макушку. Белые длинные пальцы прижимают к груди. Мочки ушей задевают гладкие шелковистые волосы, слегка пощекочивая.

«Налазался?» — ласково звучит голос.

Киваю.

«Мама, а ты не знаешь, что стало с этой крепостью?»

Ладонь поглаживает по плечу, мягко стряхивая песок.

«Давным-давно здесь жили люди, такие же, как и мы. Жили, воспитывали детей, вспахивали землю, строили этот город. Влюблялись, женились, радовались, устраивали праздники. Здесь были дома, улицы, конюшни, торговые лавки, церкви. Был даже свой король, представляешь? Все как у нас. Мальчишки, лазали по этим высоким стенам, прям как ты.»

«И что с ними случилось?»

«Они... Они переместились вниз, основали новый город, откуда мы пришли сюда.»

«А почему они решили переехать? Им здесь не нравилось?»

«Это Рене, нужно спрашивать у них самих.»

Ало-красные губы улыбнулись. Рука мамы сильнее прижала меня. Чувствую, как бьется её сердце.

«Ну пойдем вниз... Время уже к закату. В темноте будет совсем не видно куда идти.»

Завернув за угол, окошки закончились, упершись стеной в башню. Здесь есть проход, открывающий круглую комнату в центре которой: отверстие со ступенями, идущими вниз.

«Там темно.»

Пальцы нащупали длинную теплую ладошку.

«Ну я же не одна. Со мной мой смелый мальчик, правда ведь?»

Я улыбнулся, крепко сомкнув пальцы, держась за руку. Мамин ласковый взгляд нежно смотрит. Нога касается ступени. Раз... Два... Лестница спиралью опускается, постепенно скрывая собой лучи света. Ладошка растворяется в темноте.

...

«Мама.»

Отзвук собственного голоса кругом завертелся, ударяясь о невидимые стены.

Чирк!

Зажегся маленький огонек на фитильке свечи. Лицо Банти на расстоянии ладошки появилось из тьмы.

«Мамаааа?»

Верхняя губа вопросительно вытянулась к носу. Тёмный коридор, идущий ступенями вниз, длинной змеей ползет в неизвестные недра.

«Мама... Где твоя мама, Банти?»

Нижняя губа поддвинулась вверх. В раскрытых глазах мечется сияющий колосок пламени. Банти неуверенно, но пристально и задумчиво опускает зрачки.

«Мамаааа...» — покачивая головой в стороны, протягивает мальчик, снова направляя свой взор ко мне.

Кажется, будто он ранее слышал это слово. Но он не помнит его значение. Если бы здесь лежал цветной камушек, как тогда в пещере, я бы мог снова пообщаться с Банти рисунками... Но я даже не помню, когда это было. Все перемешалось. Сколько вообще прошло времени. Сколько я здесь?

Усевшись на ступени, прильнул головой к холодной стене. В мешке осталось всего пару ядлю. Взяв в руку один из них, Банти отломал половинку, протягивая мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.